

Брат Мурат

КРАМОЛА

Рассказы

18+

Брат Мурат

Крамола

«Автор»

2026

Мурат Б.

Крамола / Б. Мурат — «Автор», 2026

Добро пожаловать в мир, где высокая философия уживается с низким абсурдом, а серьезные вопросы задаются самыми неожиданными персонажами: говорящими морскими свинками, пьяными капитанами космических кораблей и собственными животами. «Крамола» — это сборник рассказов-притч, в которых гротеск и абсурд становятся инструментами познания человека. Двенадцать рассказов о том, как легко потерять себя в мире, где все — видимость. Что происходит, когда человек остается наедине с собой? Встреча с собственной смертью («Караваев»). Постепенное превращение в то, чем ты одержим («Сущность»). Попытка обрести подлинность в мире, где все притворяются («Дедушка Мороз»). И наконец — осознание того, что «порнография» жизни — это не то, что ты видишь, а то, как ты смотришь («Порнография»). Герои «Крамолы» смешны, жалки, трогательны и величественны одновременно. Это проза, которая не боится быть смешной, страшной, абсурдной и проникновенной одновременно.

© Мурат Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
АНГЕЛ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Брат Мурат Крамола

Брат Мурат

ПРЕДИСЛОВИЕ

Север. Холодно. Сухой закон...

Не смотря на разницу в возрасте, мы с Муратом нашли общий язык очень быстро. Нас сблизил поэзия. Могу сказать, без всяких напыщенных слов: Мурат – блистательный поэт. И вдруг он приходит и приносит рукопись – рассказы. Я был удивлен и немного раздосадован, ибо всегда с нетерпением ожидал его новые стихи. И, конечно, был заинтригован. Зная, насколько Мурат любит экспериментировать, можно было и здесь ожидать нечто интересное. Он отдал мне рукопись и ушёл, не стал даже, по сложившейся традиции, чаёвничать со мной. Я начал читать рассказы, и был ошеломлен. И воодушевлен. Я быстро «проглотил» рукопись, оделся и пошёл к нему. Я шёл и удивлялся, что я – апологет классической прозы, который ко всяким литературным выкрутасам всегда относился с иронией и недоверием, спешил, сжимая рукопись, в полной уверенности, что в руках у меня истинная драгоценность – настоящая литература...

Давать же характеристику манере письма Мурата легко и довольно затруднительно. Потому, что его творчество имеет глубинные пласты, за игрой всегда прячутся подтексты. Насколько я могу судить по его пристрастиям к творчеству таких писателей как Борис Виан, Данил Хармс, Михаил Зощенко и Кафка, все это в нем отложилось. Но, при всем этом, он основательно своеобразен и самобытен. Неожиданные ассоциации, мистика, часто низведенная до обыденности, иррациональное, конкретные голые мысли и тут же – их допущения, балансирующие на грани рассудка и безумия. Но всё это для него не самоцели. Это – естественная часть канвы, которая лепят пространство, и не только по произволу автора, но, как бы, по потребности самих героев, делают идеи и мысли более объемными, и как ни странно, более явными. Но Мурат и в рассказах остается верным себе и ведёт себя как поэт. Поэзия – это мифология личности, а действие – признаки эпоса. Он даёт «призракам» личной мифологии плоть, чтобы они могли совершать поступки и всходить на пьедестал для обозрения...

По дороге я умудрился, несмотря на сухой закон, купить бутылку коньяка: заглянул в кафе, где продавали кофе с коньяком. Заведующей была одна из наших с Муратом красивых и хороших знакомых...

Мурат мне открыл дверь и сразу же пригласил на кухню. Стол был уже заставлен яствами. Кроме всего, на столе красовалась точно такая же, как у меня, бутылка коньяка. Я удивился и спросил:

– Что это?

– Я ждал тебя, – ответил он...

Что можно ещё добавить? Разве что повториться: Это настоящая литература. Читайте, вникайте и тешьте душу.

Виктор Того, писатель, журналист.

г. Усинск

АНГЕЛ

Всем честным народом отправляли сироту Васеньку в горы на учёбу к орлам. Он осмотрел понурых, неприветливых людей и, сожалея, что у него нет девушки, которая бы ждала его внизу, не оборачиваясь, начал подниматься в гору. Безмолвный народ стоял и глазел, пока тот не потерялся в, нависших на гору, словно брови нахмурившегося старика, облаках.

– Ни хрена там ничего интересного нет! Болваны вы все! – сказал один из толпы с глазами цвета сопель, громко шмыгая носом, и первым поплёлся домой.

– Злой ты, Туркли, – вслед ему крикнул Федот, но тот даже не обернулся.

– Может чему-нибудь научиться и нас научит, – добавил Патрокло с надеждой в голосе.

– Ага, научиться высиживать яйца, – не удержался балагур Иннокентий, друг Васеньки. Но никто не рассмеялся и хмурые люди стали разбредаться по домам. Только конопатая Клава, до этого прятавшаяся под елью, вышла из укрытия, вытерла слезы, высморкалась и помахала вослед Васеньки мятым красным платочком.

Долго не появлялся Васенька и его стали, уж, забывать. Но однажды в позднее зимнее утро, пышущее примерной свежестью, Васенька прилетел. Прилетел на своих крыльях. Все подумали сначала, что это ангел спускается с небес. Но когда белое существо, наконец, приземлилось перед толпой у продмага, Иннокентий завопил:

– Васька!

Толпа, опешив, разглядывала ангела в лице Васеньки. А Вася улыбался безбрежной улыбкой вполне счастливого человека.

– Что за хрень? – спросил Джон.

– Да Васька же! – крикнул и бросился обнимать его Иннокентий. Затем отстранившись, спросил его:

– Что это ты нацепил на спину?

– Это крылья! – ответил вполне серьёзно Вася.

– Настоящие, что ли? – опять спросил Иннокентий, от растерянности запамятавав, что тот, только что, спустился с неба.

– Конечно, – не без гордости ответил Вася. Иннокентий, ещё больше отодвинувшись, разглядывал его безупречно белые штаны и носки.

– А почему без обуви? – спросил он.

– Так я же летаю, а не хожу.

– Всё равно, они же белые – сказал сердобольный Иннокентий. Он стянул с себя, обнажив дырявые носки, солдатские сапоги и протянул их Васе.

– А ты же, как? – озадачено, спросил Вася.

– А сейчас мне Моника, что-нибудь принесёт, – ответил Иннокентий, увидев, как Богдэн побежал в сторону его двора.

Вася, чтобы не обидеть друга взял сапоги и обулся.

– Прикрой голое пузо, срамец, – вылетел звонкий голос Туркли из толпы.

– Да подожди ты, – прикрикнул на него Патрокло, ожидавший, что будет большая пьянка. Подошедший сзади, Туркли вырвал у Васи из крыла пёрышко.

– Ой! – вскрикнул Вася.

– И в правду! – изумлённо разглядывал, выхваченное из рук Туркли перо, Джон.

– Ну, конечно, он же только, что спустился с неба, – вставил Иннокентий.

– А как же ты сумел их отрастить? – спросил, самый любопытный из окружившей его толпы.

- А они у меня сами выросли.
- Во, даёт! – воскликнул Иннокентий.

По улице бежала с развевающимся красным платком Клава. Всё, молча, посмотрели в её сторону.

- Она тебя ждала! – тихо прошептал Васе Иннокентий.
- Ждала, – подтвердил, жадно ухмыляясь, Туркли.
- Ждала? – удивился Вася.

Клава остановилась перед расступившейся толпой.

– Здравствуй, Клава! – произнёс стусевавшийся Вася. Иннокентий подтолкнул его и он, подойдя к ней, неуклюже, обнял.

- Я знала, что ты вернёшься, – тихо произнесла она.
- Ну, что ребята? – в азарте закричал Патрокло, – У нас сегодня праздник, али как?
- Это надо отметить! – радостно и единогласно согласилась толпа.

Появилась жена Иннокентия Моника с парой сапог для мужа.

– Здравствуй, Вася, – сказала она, как будто они только что вчера расстались, и протянула мужу сапоги.

- Простудишься, – сказала она.

Иннокентий обулся и спросил окружающих:

- Ну, что?

– Скидывайтесь, у кого сколько, – предложил Патрокло и пошёл по кругу, протягивая свою шапку.

– Кто не добавляет, тот не пьёт – во всеуслышание объявил Туркли и, демонстративно порывшись за пазухой, кинул в шапку несколько купюр.

Вскоре толпа разделилась на две части: те, у которых нашлись деньги, и те, у кого их не было. Неимущая группа отделилась и угрюмо следила за счастливцами. Наконец, Патрокло пересчитал наличность, и они двинулись к продмагу. На пороге магазина толпу встретила продавщица Дульсенея, которую выгнало на улицу собственное любопытство, всё ещё держащая её в напряжении. Когда люди приблизились, она, вглядываясь в полуголого мужика, спросила:

- А это что за клоунада?

– Присоединяйся, будешь клоунихой, – пошутил Иннокентий. Но Дульсенея, занятая пристальным разглядыванием торса Васьки, пропустила шутку мимо ушей.

– Васька, боже мой, это ты что ли? – театрально всплеснула она руками, узнав своего одноклассника.

– Здравствуй, Дульсенея, – ответил Вася, явно смущаясь её. В это время Клава подобралась к Васе и взяла его под руку.

– Давай, давай, что держишь людей на пороге? – подталкивая вперёд себя Дульсенею, прошёл в магазин Патрокло.

Отоварившиеся покупатели уже собирались уходить, как Дульсенея, которая всё время растерянно улыбалась Ваське, всплеснула руками, стянула с себя телогрейку, обежала прилавок и накинула его на Васю и проводила до крыльца магазина. Клава, немного шокированная несвойственным Дульсенеем душевным порывом, ненавязчиво, проскользнув, встала между Васей и Дульсенеей.

Когда компания вышла из продмага, Иннокентий предложил:

- Пожалуйста к нам в избу.

– Я долгое время жил среди людей-орлов, они ещё называют себя детьми солнца. Орлы меня многому научили, – рассказывал Вася, разглядывая ещё не оправившиеся от растерянности лица земляков.

– А пить ты не разучился? – перебил его Патрокло, и предложил тост: – Давайте выпьем за возвращение!

Выпили и закусили. Только Васька не торопился пить. Он держал в руках стакан с водкой и заглядывал в него, будто выискивая в глубокой пропасти упавшую туда маленькую золотую монетку, в виде давно забытого удовольствия.

– А ты чего? – спросил Патрокло. Васька пожал плечами.

– Давай! Пей! – раздалось с разных сторон. Васька зажмурился и выпил залпом. Ему быстро протянули закуску.

Когда Васька отдышался, Туркли нетерпеливо спросил его:

– И чему же они тебя научили?

– А ты можешь, например, из простой воды сделать водку? – уповая на чудеса, перебил их снова Патрокло.

– Нет, он может из водки сделать простую воду! – вставил балагур Иннокентий. Раздался смех.

– И чему они тебя научили? – повторил свой вопрос Туркли.

– Они дали мне знания о совести, – перестав жевать, ответил Вася. Наступила тишина.

– Так они, эти люди, орлы или ангелы? – вставил свой вопрос Федот.

– Есть белые и чёрные орлы. Белые люди-орлы являются ангелами, а чёрные – агелами.

– И чему они тебя всё-таки научили? – упрямо повторил Туркли.

– Что такое мораль. Или что такое нравственность.

– Ну, просвети нас тёмных, что же такое мораль? – не без ехидства попросил Туркли.

– Очень просто – Мораль приходит снаружи, а нравственность изнутри. Поэтому, мораль – это договор между людьми, а нравственность – между человеком и Богом. Мораль имеет основу – стыд, а нравственность – совесть. Но стыд не связан с душой, это скорее обязанность, для некоторых – ноша. Если коротко, человек, который руководствуется стыдом, может зайти за угол, где его не увидят те, с которыми он заключил договор, и сотворить нечто такое, что не вписывается в этот договор. Ибо они руководствуются чужим мнением о себе, это в лучшем случае. То есть, он может и не обладать стыдом, а только делать вид. Совесть же всегда с тобой, даже если ты заходишь за самый крошечный угол, ибо совесть есть стыд перед самим собой и Богом. Но это врождённое чувство. Белые орлы – это существа с совестью. Чёрные им во всём подражают, перенимают и присваивают, но это не идёт им впрок, так как они остаются чёрными. Человек без совести – это не человек, а только подобие его – так считают белые орлы.

– А ты сам видел чёрных орлов? – спросил, до сих пор молчавший, Богдэн.

– Видел, – утвердительно ответил Вася.

– И как они выглядят? – спросил Патрокло, разливая водку.

– Обычно выглядят. Только они чёрные, и они не умеют летать.

– Не умеют? – удивился Богдэн.

– Ну, некоторые, всё-таки, летают, – успокоил его Вася.

– Значит и среди них есть хорошие? – обрадовано улыбнулся Богдэн.

– Понимаете, – сказал Вася, – не всё однозначно. И среди белых, тоже, бывают делающие вид, что у них есть совесть. Но другие белые орлы не считают их ангелами. Но и среди чёрных орлов тоже есть орлы, у которых есть совесть, и они умеют летать. Но таких – единицы. Белые орлы их считают ангелами, несмотря на то, что они чёрные. Они и к обычным людям относятся точно также, если у людей есть совесть, они считают их своими братьями и помогают им обрести крылья.

– Здорово! – отозвался Иннокентий.

– Совсем запутал! – недовольно буркнул Богдэн.

– И ты вернулся, к нам, людям без стыда и совести, чтобы научить нас жить как должно? – вставил Туркли.

Наступила тишина.

– И, всё-таки, зачем ты к нам пожаловал? – не унимаясь, допытывался Туркли.

– Не пожаловал, а вернулся, – поправил его Иннокентий.

– Мы же сами послали его в гору! – вставил в защиту Васи Патрокло.

Опять наступила неловкая тишина. Все ждали ответа Васи.

– Я хочу вас научить летать! – наконец, признался Вася.

– Правда?! – всплеснув руками, обрадовано воскликнул Богдэн.

– Так у нас же нет крыльев, – удивился Джон.

– Так у него же тоже их не было, – вступился за Васю Богдэн.

– А я всю жизнь хотел летать! – мечтательно вздохнул Иннокентий.

– И как скоро ты нас научишь? – спросил Богдэн.

– Посмотрим, – ответил Вася.

– Только ты нас первыми научи, – попросил Иннокентий.

– Ну, конечно, – ответил, радостно ему улыбаясь, Василий.

– Я смотрю, вы не только летать, но и высиживать яйца готовы, – съязвил Туркли.

– Давайте за встречу! – предложил Патрокло, чтобы разрядить обстановку.

– За встречу уже пили! – огрызнулся Туркли.

– А давайте выпьем за любовь! – раздался женский голос.

Посреди избы стояли Моника и Клава. Они ещё не успели раздеться с улицы. Клава в руках держала большой бутыл.

– Ого, самогон притаранили! – обрадовано подбежал к ним Патрокло, взял у Клавы бутыл и, разлил в стаканы.

– Ну, что: «За любовь?» – повторила свой тост Моника в виде вопроса.

– За любовь! – поддержали её гости.

Утром Вася проснулся с похмельной головой. Тело казалось налито свинцом, в затылке непомерным грузом висела тупая боль, сердце жалобно трепыхалось в груди, даже дышать было тяжело. Рядом лежала Клава, уткнувшись в его плечо. Он не мог ничего припомнить. Приподнял простыню – они оба были голые.

Усилия, затраченные на то, чтобы хоть что-то вспомнить, ещё больше ухудшили его состояние. Дверь скрипнула, немного отворилась и, сквозь щель, он услышал голос Иннокентия:

– Васька, ты спишь?

– Нет, – с трудом выговорил он.

– Давай выходи, – позвал его Иннокентий.

Вася высвободил руку, затем крыло, с трудом одев брюки, поплёлся к Иннокентию.

Иннокентий сидел за столом в одних полосатых, как каторжная роба, трусах. Он, сжавшись и обхватив себя руками, в нетерпении поглядывал в его сторону.

– Васька, – сказал он, показывая на наполненные до краёв стаканы, с мольбой в голосе, – я тут налил воды, сделай из них, пожалуйста, самогон.

Васька, опешив, смотрел на него.

– Как это? – спросил он.

– Ну, ты же вчера, когда водяра и самогон закончились, воду из колодца превратил в водку.

– Не знаю, – сказал Вася, – никогда не пробовал.

– Как не пробовал, вчера же делал!

– Попробую, – сказал Вася и взял стаканы в руки. Затем понюхал содержимое и, поморщившись, поставил на стол. Иннокентий взял стакан, тоже принялся, и отлив половину в другой стакан, произнёс:

– Ну, давай!

– Нет, я не хочу, – с дрожью в голосе ответил Вася.

– С неба упал что ли? – протянул ему стакан Иннокентий. – Ты, что позабыл, как надо лечиться? Сразу же полегчает.

Вася взял стакан. Иннокентий, даже не поморщившись, выпил содержимое стакана залпом.

– Не могу, – сказал Вася.

– А ты через «не могу», – с трудом выговаривая слова, настаивал Иннокентий.

Вася зажмурился и выпил. Действительно, через минуту душевное и телесные недомогания отпустили его.

– Между первой и второй перерывчик небольшой! – сказал Иннокентий и снова налил в стаканы воду из чайника. Не успел Вася превратить воду в самогон, как дверь отворилась, и на пороге появились Патрокло с Туркли. Увидев их, Иннокентий налил ещё два стакана воды. Василий прикоснулся по очереди ко всем стаканам.

– Ну, что стоите? – пригласил Иннокентий, наблюдавших за Василием, Туркли и Патрокло.

– Ну, что – точно водка? – спросил Патрокло.

– Нет, – ответил Иннокентий, – самогон!

– Слава Богу, – обрадовался Патрокло, – а то показалось с похмелья, что мне всё это вчера почудилось.

Первым подошёл Туркли. Он понюхал и выпил содержимое стакана. Остальные последовали его примеру.

Вскоре появились Моника и Клава. Их тоже усадили за стол. Клава сияла и смотрела на Васю с обожанием. Она всё время шушукалась с Моникой, которая тоже, изредка, с любопытством поглядывала на него.

Выпили всё, что было в чайнике. Когда появились Джон с Богдэном, Иннокентий принёс ведро с колодезной водой.

Веселье было в разгаре. Клава и Моника запели весёлую, деревенскую песню, в котором упоминались жители соседней деревни. Все смеялись. Один только Туркли всё более мрачнел. Вскоре его потянуло на философские беседы. Уличив паузу во всеобщем веселье, он спросил:

– А, что, по-вашему, есть человек?

– Человек – есть наполненное время, – задорно ответил ему, изрядно повеселевший, Вася. – Человек рождается, чтобы стать человеком. Всё накапливается в этом мире, крупинку к крупинке: и богатство, и знание, и духовность, только жизнь расходуется. Потерянное время невозвратимо.

– Давайте выпьем за это! – предложил Патрокло.

– За что? – спросил Туркли.

– Как за что? За Человека! – поднял свой стакан Патрокло.

Туркли подождал пока выпьют все и сказал:

– А я знаю, что такое человек!

– И что же такое человек? – полюбопытствовал Богдэн

– Человек есть живой механизм для производства дерьма! – сказал Туркли, выдохнул и опорожнил содержимое стакана себе в широко разинутый рот.

– Ну да, потом и сам же превращается в удобрение! – пошутил Патрокло, привыкший смазывать неприятные ситуации, которые создавал Туркли.

– Злой ты! – вставил Джон.

– Правда всегда неприглядна! – огрызнулся Туркли.

– В духовном мире одно тянется к другому в силу одинаковости. Что позовёшь то и придёт, – адресуя слова Туркли, ответил Вася. – Испытывая злость, вы приглашаете в свою жизнь зло.

– Болван ты! – разозлился Туркли.

– Он пришёл и сказал: «Выбирайте на чьей вы стороне». И они ответили хулой. «Вы выбрали», – сказал Он, – как бы про себя тихо произнёс Вася и добавил:

– Я тебя ни в чём не неволю. Выбираешь ты, и ты отвечаешь за свой выбор.

– Я выбираю самогон! – вставил Патрокло.

Выпили и закусили.

Богдан зашевелился, барабаня пальцами по столу, произнёс не то вопрос, не то утверждение:

– Если они ангелы, они же должны напрямую общаться с Богом.

– Они по-другому воспринимают Бога. Они считают, что Бог есть то, что соединяет этот мир и предохраняет от распада. То есть – Бог во всём! Они говорят: «Мир живое существо, ибо это тоже есть часть Бога и сам Бог. Но не обожествляй его, ибо он не есть весь Бог, а только часть его, а старайся жить с ним в мире и согласии». Ещё они говорят: «Бог есть совесть. Не имеющий её – ещё не человек, а только подобие человеческое»

– По каким заповедям они живут? – снова спросил Богдэн.

– Главная заповедь: «Возлюби в себе Бога и себя в Боге. Возлюби ближнего своего как самого себя в боге твоём, тогда и дальний приблизится к тебе, чтобы узреть твоего Бога».

– Существовать может только один реальный Бог. Этот Бог есть – Смерть, – вставил Туркли, который рассматривал свою руку, держащий пустой стакан, будто сомневался в том, что это действительно его рука.

Когда к вечеру оказалось, что весь самогон в ведре уже выпит, они вышли всей толпой и Вася превратил дождевую воду в железном баке под сливом – в самогон...

Утром Вася проснулся с похмельной головой. Казалось, что душа трепыхается на тоненькой ниточке. Жажда сковала горло. Откуда-то со стороны вполне здоровый дух наблюдал за страданиями измученного тела. Но временами его связывала тяжёлая мучительная борьба тела за свою жизнь и принимал на себя удар боли. Но он вдруг почувствовал прикосновение чужого горячего тела. «Клава» – подумал он, но на своём плече он увидел не рыжие Клавины волосы, а цвета спелой ржи. Он закрыл глаза и начал вспоминать – у кого же волосы такого цвета? У Моники – осенило его. Он открыл глаза и посмотрел на женщину, которая лежала рядом. Сомнений не было – это была Моника – жена Иннокентия. Кровь прилила к лицу. Вася перестал дышать и снова закрыл глаза. Он услышал, как открывается дверь. Зашёл Иннокентий.

– Сука, что ты здесь делаешь? – по-гусиному шипя, спросил он.

– Не кричи, – вполне спокойно произнесла Моника.

– А ну, выползай оттуда, сука, а то прибью!

– Ты полегче, – села Моника, – я, думаешь, не знаю, что ты кувыркаешься с Клавой. Она ведь мне всё рассказывала.

– Да кому ты, дура, веришь? – начал оправдываться Иннокентий.

– Значит я – дура, а ты – умник! – с иронией спросила Моника, затем, приходя в ярость, тоже зашипела: – А хочешь, я тебе повторю слова, которые ей шептал на ушко?

– Да она ж сама на всех кидается. Она, между прочим, сейчас, наверное, с Туркли, – сказал он, затем примирительно позвал, – Ладно, давай выходи.

Моника повиновалась, и они вышли из комнаты.

Минут через пять в комнату забежал Иннокентий и, негодуя, произнёс:

– Сволочи, за ночь всю бочку вылакали! – и затем позвал за собой Васю: – Давай, вставай, Вася, надо опохмелиться, пока не издохли.

Пока Вася оделся и вышел из спальни, Иннокентий уже принёс ведро колодезной воды. Иннокентий налил воду в стаканы, и Вася к ним прикоснулся. Они, молча, выпили. Иннокентий, заметив, что Вася прячет взгляд, произнёс:

– Она сказала, что у вас ничего не было.

– Не было, – ответил, смущаясь, Вася.

– Да я тебя не виню, это она решила мне таким образом отомстить.

– А с Клавой как же? – спросил, не поднимая головы, Вася. – Ты же сказал, что она меня ждала?

– Она и в правду тебя ждала. Она ведь всех, с кем спит, забывается, и называет Васей или Васенькой, – ответил виновато Иннокентий.

Наступила тишина. Иннокентий хотел зачерпнуть из ведра, потом махнул рукой и сказал:

– Давай, уж, сразу всё ведро превращай!

Не успел Вася прикоснуться к ведру, как они услышала рёв трактора. Иннокентий выглянул в окно и возбуждённо вскрикнул:

– Вот черти!

На улице стоял трактор с цистерной. Трактор заглох и из него выползли Богдэн, Джон и Патрокло.

Вася проснулся от жажды, открыл глаза и не смог понять, где находится. Подслеповатая засиженная мухами лампа на чёрном изогнутом проводе одиноко висела на потолке. Вокруг стояли какие-то картонные коробки разных размеров. Спиной к нему, свернувшись калачиком, лежало голое женское тело. Голова Васи упиралась об потёртый и засаленный подлокотник раздвижного дивана. Пахло пылью. Когда он попробовал принять нормальное положение, лежащее рядом женщина повернулась к нему и положила руку на его грудь. Это была продавщица Дульсенея. Вася даже не удивился, ибо был слишком занят собой – его подташнивало. Он обозвал себя идиотом и начал медленно приподниматься. Дульсенея проснулась и спросила:

– Что с тобой?

– Что-то нехорошо, – пролепетал Вася.

– Подожди, – сказала она и выскользнула из-под тонкого, прозрачного одеяла.

Вскоре она появилась с бутылкой нарзана в руке. Дульсенея подняла стакан со стоящего неподалёку журнального столика, налила нарзан и подала Васе. Тот послушно взял стакан, глотнул содержимое и сразу же выплюнул. В стакане была водка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.